

Славянские мотивы в ранних работах Л.Н. Толстого

Федько Мария Викторовна¹

¹Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого, Тула, Россия
¹Email:mari.fedko.94@bk.ru

АННОТАЦИЯ

Л. Н. Толстой в своем творчестве неоднократно обращался к наследию русской культуры, к славянским мотивам. Наиболее ярко это отражено в среднем и позднем периодах творчества писателя. В раннем же периоде литературного творчества Л. Н. Толстого славянские мотивы встречаются реже и они не так очевидны, как в последующих произведениях. Сказанное актуализирует поиск славянских мотивов в раннем творчестве Л. Н. Толстого. В статье рассмотрены славянские мотивы, отсылки к русскому народному наследию, отраженные в таких произведениях, как: трилогия «Детство. Отрочество. Юность», военных рассказах Л. Н. Толстого, рассказе «Три смерти», повести «Казачьи». Автором были выявлены следующие славянские мотивы в работах раннего периода творчества Л. Н. Толстого: мотив смерти, житейские этические установки славянских легенд, поиски героями смысла жизни и путей самопознания, мотивы переодевания и оборотничества, архетипы земли, инициации, храбрости. Этические категории смерти, смысла жизни, храбрости, самопознания, инициации, отраженные через анализ ранней прозы Л. Н. Толстого сравниваются с подобными категориями в славянском мировоззрении и фольклоре.

Ключевые слова: смерть, смысл жизни, самопознание, славянская мифология, добро и зло.

Slavic Motifs in the Early Works of L.N.Tolstoy

Fed'ko Maria Viktorovna¹

¹Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy, Tula, Russia
¹Email:mari.fedko.94@bk.ru

ABSTRACT

In his works, L. N. Tolstoy repeatedly turned to the legacy of Russian culture and Slavic motifs. This is most vividly reflected in the middle and late periods of the writer's creativity. In the early period of Tolstoy's literary career, Slavic motifs are less frequent and not as evident as in his later works. This highlights the relevance of searching for Slavic themes in Tolstoy's early works. The article examines Slavic motifs and references to Russian folk heritage, as reflected in such works as the trilogy "Childhood. Boyhood. Youth," Tolstoy's military stories, the tale "Three Deaths," and the novella "Cossacks." The author identifies Slavic motifs in Tolstoy's early works, including the motif of death, the ethical norms of everyday life from Slavic legends, the protagonists' search for the meaning of life and the path of self-discovery, motifs of disguise and transformation, archetypes of the mother of the damp earth and the nurturing land, as well as motifs of initiation and bravery. Ethical categories of death, the meaning of life, bravery, self-discovery, and initiation, reflected through the analysis of Tolstoy's early prose, are compared to similar categories in Slavic worldview and folklore.

Keywords: death, meaning of life, self-discovery, Slavic mythology, good and evil.

Актуальность исследования в том, что анализ влияния славянских мотивов в раннем творчестве Л.Н. Толстого позволяет понять, как сформировалась этическая основа произведений великого русского писателя и мыслителя. В значительной степени философская система Л. Н. Толстого выросла с опорой на славянские мотивы. Лев Толстой на протяжении всего периода своего творчества трепетно относился к народной культуре, к сохранению живого языка – и у своих героев, и в построении авторского повествования. В ранней прозе Толстого также присутствуют отсылки к славянской культуре. Кроме того, Л. Н. Толстой в раннем периоде обращается и к описанию быта русского народа, который впоследствии начинает приобретать все большее значение в его творчестве, к зрелому периоду становясь доминирующим [1, С.248]. Если в зрелом и позднем периоде творчества Толстого славянские мотивы вполне очевидны (они есть в «Войне и мире», в «Анне Карениной»), то в раннем периоде тема славянских мотивов толстовской прозы раскрыта далеко не в полной мере и еще ждет глубоких исследований, что актуализирует тему, выбранную для данной статьи.

Цель статьи – анализ эволюции влияния славянской культуры на творческое наследие Л. Н. Толстого, на примере ранних произведений (трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность» (1852-1857), «Рубка леса» (1855), «Севастопольские рассказы» (1855), «Дяденька Жданов и кавалер Чернов» (1854), «Набег» (1856), «Из кавказских воспоминаний. Разжалованный» (1856), «Казачи» (1862) и др.) в контексте духовно-нравственных процессов становления личности, обретения ею смысла жизни, нравственного роста и сопутствующего ему морального совершенствования героев Л. Н. Толстого.

Ранние произведения Л. Н. Толстого в контексте влияния славянской культуры. В мир большой литературы Л.Н. Толстой вошел с повестью «Детство». Повесть была опубликована в 1852 г. журналом «Современник». Уже в этой повести Л. Н. Толстой проявил себя как самобытный автор с индивидуальной манерой письма. Славянские мотивы в повести отражены, прежде всего, в самой ее форме – эпической,

былинной. Взросление Николеньки Иртеньева проходит через периоды, подробно описанные Толстым, от раннего детства до юности, где сменяющие друг друга события оказывают влияние на становление личности главного героя. Толстой показывает, как постепенно утрачивается им свежесть и непосредственность детства, а в повестях «Отрочество» (1852-1854 гг.) и «Юность» (1855-1857 гг.) Николенька предстает уже совсем иным персонажем.

Николенька Иртеньев наделяется автором былинной «текучестью» сознания, которая выступает залогом для непрерывного внутреннего развития героя, Николенька обладал и отзывчивым сердцем [2, С.6]. Подобно Илье Муромцу (который долго сидел на печи), он постепенно проходит путь духовного взросления, созревания как личности, постигает мир. Как и герои славянских эпосов, духовный рост Николеньки связан с обретением житейского опыта, насыщен потерями, кризисами возраста, мучительными переживаниями. Личностный духовный рост этого героя, его характер, определяют его судьбу и смысл его жизни. Эта судьба проходит путь от индивидуально-личностного восприятия окружающего к эпически-народному миропониманию [2, С.7]. Созданная трилогией эпическая картина мира обусловлена своеобразием гения Л. Н. Толстого, его художественным мышлением, ориентированным на решение «вечных» вопросов. Желание решить глобальные вопросы свойственно и героям народного эпоса.

Первая часть трилогии композиционно строится на мотиве смерти, ключевой смысл которой определяет дальнейшее художественное повествование, рождая восприятие жизни как экзистенциального пути, что связано с памятными горестными и удивительными детскими событиями: от молитвы юродивого до смерти татан [3, С.318].

В славянских языческих воззрениях тайна смерти была одной из ключевых идей, она представлялась в мифологии славян явлением, образ которой (например, странник – «калика переходной») то предстает, то вдруг теряет всякие очертания, многократно и последовательно перевоплощаясь. Древнерусский человек приравнивал смерть к

жизненным реалиям, поскольку для него она воспринималась лишь как граница, переход через которую знаменовал иную жизнь в новом мире. Отметим, что взросление Николеньки Иртеньева есть переход через границы детства – сначала в отрочество, затем в юность. Природа этих переходных моментов в трилогии Л. Н. Толстого зачастую страшит главного героя, как и героев славянской мифологии, претерпевающих различные жизненные (и посмертные) метаморфозы. В славянских сказках картина смены миров представлена первоначально через конец времен, возникновение абсолютного уничтожения мира (старого), но энтропия вечно длиться не может, уступая место новому циклу жизни. Такова, например, сказка о курочке Рябе [4, С.104].

Метаморфозы главного героя трилогии Толстого сопровождаются явлениями, волшебством, со слов Николеньки, когда все привычные предметы вдруг поворачиваются к нему еще неизвестной, другой стороной. Особенно это характерно для героя в отроческом периоде – чудесные перевоплощения предметов не в те проявления, чем они кажутся, роднит прозу Толстого с волшебными сказками русского народа. Ситуации чудесного выводят главного героя из привычного автоматизма восприятия окружающего, как, например, повседневная обувь вдруг превращается в фольклорной сказке в сапоги-скороходы, а шапка помогает становиться невидимым.

В дальнейшем славянские мотивы отражаются в военных рассказах Льва Толстого (например, «Набег» (1853), «Рубка леса» (1855), «Из кавказских воспоминаний» (1856) и др.) – все они написаны на народной основе, где древние архетипы приобретают широкое эстетическое бытие [5]. Открытое морализирование в ранних рассказах Толстого также роднит его прозу со славянскими эпическими произведениями, чье повествование также преисполнено морализаторства: так, например, в славянских легендах содержатся житейские нормы (если поступишь правильно, то награда будет твоя; наказание же ждет того, кто нарушит обычаи).

Толстой в «Севастопольских рассказах» поднимает этическую категорию «храбрость» в

виде добродетели, которая необходима в борьбе со страданиями, опасностью, усталостью. Благодаря храбрости герой может преодолеть свой страх, лень и проявления малодушия. У русского народа добродетель храбрости являет такой герой, как Егорий Храбрый, который отличался скромным, но стойким и бесстрастным поведением перед лицом опасности. В рассказе «Набег» храбрость воплощена в образах двух героев-антагонистов. Так, в действиях капитана Хлопова нет никаких аффектов: речь его негромкая, показных и красивых поступков он не совершает, а разделяет опасности боя со своими солдатами, стараясь не допустить бессмысленной гибели людей. Толстой отмечает простоту и истину Хлопова, которому противопоставляется поведение поручика Розенкранца, выставляющего свою храбрость напоказ (лихо бравируя, поручик скачет по полю битвы) [5].

Кроме того, в научных исследованиях показано, что в ранней прозе Толстого славянские фольклорные мотивы отражены через обращение автора к народной песне [6, С.208].

Мироощущение, присущее солдатам на Кавказе, передается Толстым, который использует слова народной песни в эпическом ключе: «Сторона ль ты моя, сторонушка, Сторона моя незнакомая! Что не сам я тебя нашел, Что не добрый меня конь завез...» в рассказе «Набег», где само название его придумано не Толстым, а взято им из народных песен (можно привести в пример песню «Набег кабардинцев на крепость Марьевскую») [6, С.208].

Толстой в своих рассказах представляет различные типы русских солдат, писателя интересует процесс становления личности военного, сосуществование в диалектическом единстве военного и повседневного мировоззрения. Этой теме посвящены такие рассказы, как, например, «Дяденька Жданов и кавалер Чернов» (1854), «Из кавказских воспоминаний. Разжалованный» (1856). В них описано то, как из одного положения (состояния) человек изымается, чтобы в дальнейшем (не по своей воле – это важно) оказаться в другом состоянии. Толстой для иллюстрации своей темы использует, казалось бы,

малозначительный акт-мотив – герои меняют одежду, но новая им не приходится в пору. Мотив переодевания входит в группу мотивов телесных состояний русской волшебной сказки, сюда же включены и оборотничество, и прятки, и ношение определенной одежды и головных уборов, и нагота. Этот мотив мы встречаем в рассказе «Дяденька Жданов и кавалер Чернов» [6, С.209].

Идея оборотничества (когда превращение происходит против воли героя, как следствие наказания, наложенного волшебства или проклятия), характерное для славянских волшебных сказок, отражается в рассказах Толстого, где мы встречаем отсылку к «невольному оборотничеству». Сам же мотив переодевания в русской народной сказке занимает по популярности второе место среди мотивов, которые связаны с непосредственной переменой облика [7, С.257].

Военная жизнь с ее прозой представляется Толстым неприглядным явлением. Каждый рассказ содержит эпитеты, связанные с грязью, землей, зачастую смешанными с кровью. Напитанная водой (кровью) земля отсылает нас к славянским представлениям о матери сырой земли и к земле-кормилице. Такой же грязью сопровождается путь барыни, умирающей от чахотки в рассказе «Три смерти». Особым символизмом исполнена в этом рассказе сцена, когда карета стоит на одной из станций с умирающей барыней прямо среди грязи, и женщина не имеет сил выбраться из кареты на сухую землю. Этот мотив земли, которая принимает и готова принять всех в свои мягкие объятия, отсылает к славянским верованиям [8, С.35].

К фольклорной драме впервые Толстой обращается в 1860-х годах. В педагогической статье «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас, или нам у крестьянских детей?», изданной в 1862 году, Толстой пишет о том, что одним из его любимых занятий стало чтение сборника пословиц за авторством Снегирева. Чтение сборника приносит писателю наслаждение языком пословиц и их смыслом: Толстой иллюстрирует те из них, которые особенно понравились ему, образами из народа, драматургическим взаимодействием героев

пословиц (исходя из смысла пословиц) [9, С.58]. Но к героям фольклорной драмы Толстой обратится в своем творчестве много позже.

В повести «Казаки» Л. Н. Толстой отражает мифологему дороги и путника, странника [10, С.816]. Сюжетно-событийные контексты «Казаков» приводят исследователя к выводу о том, что образ Оленина соответствует этому. Духовный и жизненный путь Оленина выражает мифологему пути: жизнь героя строится на соответствии и логически выражается через странничество (обретение собственной личностной идентичности и постижение новой ступени в эволюции духа) [10, С.816]. Это соотносится со славянскими сюжетами инициации и мистериальных посвящений: инициация в волшебных сказках славянских народов завершается посвящением героя [11, С.182]. Достигается не только полное изменение статуса – социального и религиозного – для героя, но и фиксируется степень подготовленности мужчины к вступлению в общественную и семейную жизнь, достижение героем самоидентификации, постижение сакральности существования, граней истины, самосознания.

В зрелый и более поздний период творчества Л. Н. Толстой вновь обращается к славянским мотивам, народной культуре, что находит воплощение в его великих романах, повестях, публицистике. Но начало интереса Толстого к первоистокам русской культуры прослеживается уже в ранний период творчества. Важно понимать, что славянские мотивы в раннем творчестве Л. Н. Толстого не отразились буквально: автор перерабатывал фольклорные сюжеты, приносил в их содержание собственный опыт, переосмыслял их. Таким образом, славянские мотивы в ранней прозе Л. Н. Толстого предстают глубоко переработанными этическими высказываниями, органично и творчески вплетенными в ткань прозы, созданной великим писателем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Кавацца А. Внутренняя речь в рассказе Толстого «Хозяин и работник»// Яснополянский сборник. Тула: Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2012. С.247-251.

- [2] Городилова Н. И. Эпическая картина мира в трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность»//Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020.Т. 13.№9. С. 5-12.
- [3] Саяпова А. М. Прием отстранения в трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность»// Филология и культура. Philology and Culture.2024.№ 4.С.317-322.
- [4] Склипис Е. В. Проявления архаичных славянских мифологических представлений в фольклоре// Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. № 2. С.103-113.
- [5] Толстой Л. Н. Повести и рассказы 1852-1856//Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22-х т.М.: Худож. лит., 1979. Т. 2. 422 с.
- [6] Луянь Д. Фольклорные мотивы в военных рассказах Л. Н. Толстого// Филологические науки. Вопросы теории и практики.2014. №12. С.207-209.
- [7] Краюшкина Т. В. Группа мотивов телесных, физиологических и эмоциональных состояний (на примере русской народной волшебной сказки с контаминацией сюжетов 511 Чудесная корова и 510а Золушка)//Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2010.№ 5.С.256-263.
- [8] Никольский С. А. Смыслы и ценности русского мировоззрения в творчестве Л. Н. Толстого//Вопросы философии.2010.№9.С.34-39.
- [9] Сизова И. И. Рецепция фольклорной драмы в творчестве Л. Н. Толстого //Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. №5. С. 57-64.
- [10] Огородова В. В. Мифологема путник / странник в повести Л. Н. Толстого «Казачья»//Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2019. Т. 29.№5. С. 812-818.
- [11] Петришин Д. В. Инициация как сакральный элемент художественной структуры русских волшебных сказок//Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2018.№ 2(217). С. 178-184.